

На правах рукописи

МИХАЛЕВ Алексей Викторович

**МОНГОЛИЯ В НОВОЙ БОЛЬШОЙ ИГРЕ:
РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
МЯГКОЙ СИЛЫ**

Специальность 23.00.02 – политические институты,
процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

5 ДЕК 2013

Улан-Удэ – 2013

005541885

Диссертация выполнена на кафедре истории, археологии
и этнографии ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
БУРАЕВ Дмитрий Игнатьевич

Официальные оппоненты: **ШЕМЕЛИН Аркадий Валерьевич**
доктор политических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Забайкальский
государственный университет», зав.
кафедрой социально-политических
дисциплин, г. Чита

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович
доктор исторических наук, профессор,
ФГБУН «Институт востоковедения РАН»,
ведущий научный сотрудник отдела исто-
рии Востока, г. Москва

СКРЫННИКОВА Татьяна Дмитриевна
доктор исторических наук, профессор,
ФГБУН «Институт восточных рукописей
РАН», зав. отделом Центральной и Южной
Азии, г. Санкт-Петербург

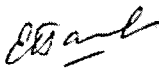
Ведущая организация: ФГБУН «Институт монголоведения, буд-
дологии и тибетологии СО РАН» (отдел
философии, культурологии и религиовведе-
ния)

Защита состоится 20 декабря 2013 г. в 10.00 часов на заседании дис-
сертационного совета Д 212.022.07 при ФГБОУ ВПО «Бурятский государ-
ственный университет» по адресу: 670000, Республика Бурятия, г. Улан-
Удэ, ул. Смолина, 24 а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ
ВПО «Бурятский государственный университет» (670000, Республика
Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а).

Автореферат разослан « » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Палхаева Е.Н.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Термин «Новая Большая игра» (The New Great Game в западной литературе) прочно вошел в политический дискурс в 2000-е гг. Он подразумевает под собой противостояние между крупнейшими державами за контроль над ресурсами Центральной Азии и Кавказа¹. При этом сами государства указанного региона являются полноправными участниками данного процесса. Начало Новой Большой игры связывается с двумя событиями:

1) терактом 11 сентября 2001 г. в США, приведшим к масштабной военно-политической экспансии в Центральную Азию в рамках антитеррористических операций;

2) возвращением России на Большой Восток, связанным с активной политикой Президента РФ В.В. Путина².

Важным инструментом этого противостояния стали факторы политического присутствия и влияния. Набор инструментариев для достижения этих целей подчинен логике институционального развития структур, реализующих политику мягкого влияния (soft power) в условиях Новой Большой игры. Их изучение открывает большие возможности для выработки адекватных ответов на вызовы, с которыми сталкиваются участники Новой Большой игры, развернувшейся на постсоветском пространстве. Новая Большая игра — это процесс, осмыслению которого посвящено большое количество современных научных исследований. Употребление этой метафоры заимствовано из политического дискурса XIX в., когда Великобритания и Россия вели борьбу за влияние в Центральной Азии (включая Тибет и Монголию)³. По мнению ряда экспертов (Л. Кливмана, В. Китспоттера и др.), современная ситуация аналогична событиям позапрошлого века и отличается лишь задачами и количеством игроков. Как отмечает А.А. Казанцев: «“Большая игра” — это одновременно и метафора, и историческая реальность, существующая на протяжении более двух столетий. У нее имеются глубокие корни в

¹ Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. New York: Atlantic Monthly Press, 2003; Mullerson R. Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game. — London: Kegan Paul, 2007.

² Жузанин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). — Москва: Восток-Запад; АСТ, 2007.

³ Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. — New York: Atlantic Monthly Press, 2003.

традиционной для Центральной Азии исторической и геополитической многовекторности. Время «Большой игры» еще не окончено. Однако и оснований считать «Большую игру» вечной тоже нет. Привычная для региона геополитическая многовекторность, как мы знаем из истории, может принимать и другие формы, помимо борьбы за регион сильных внешних игроков. Во-первых, Центральная Азия способна сама порождать великие империи. Примером могут служить государства парфян, хунну, тюркютов, сельджуков, Чингиз-хана и Тамерлана. Во-вторых, вполне представима ситуация, когда какой-то из внешних игроков победит, и тогда «Большая игра» будет приостановлена (фактически это имело место в советский период). Скорее всего, именно такой и будет судьба Центральной Азии в перспективе ближайших 50–70 лет. В-третьих, растущая интеграция может сделать «Большую игру» не нужной. Правда, это – перспектива, скорее, целого столетия, если не больше¹.

При этом пространство игры не ограничивается только новыми независимыми государствами Центральной Азии и Кавказа: начиная с 2000-х гг., ключевую роль в региональной геополитике играет Монголия. Как утверждает американский исследователь А. Кэмп, «Монголия имеет все шансы стать лидером в Центральной Азии. Эталоном демократии. Она может стать ключевым связующим звеном между Востоком и Западом, возрождая Великий шелковый путь»². В результате этого, как и в XIX в., данная страна оказалась в центре глобального противоборства. Протестантские миссии, китайский и японский капитал, борьба за доступ к природным ресурсам – все это склоняет нас к мысли о сходстве политических процессов конца XIX в. с современностью³.

Однако современная ситуация отличается иной геополитической конфигурацией региона. Изменилась роль классического треугольника Россия – Монголия – Китай в связи с усилением новых акторов региональной политики в лице США, Южной Кореи и воз-

¹ Казанцев А.А. «Большая игра» в Центральной Азии: вчера, сегодня, завтра // Неприкосновенный запас. – 2009. – №4 (66). – С. 135.

² Campi A. Mongolia's Integrating with Asia's Heartland. Finding a Future and Rediscovering the Past // Материалы VIII Международного конгресса монголоведов. – Улан-Батор, 2002. – С. 3-9.

³ Схожую позицию см. в работе: Hyer E. «The Great Game». Mongolia between Russia and China // The Mongolian journal of international Affairs. – 1997. – №4. – P. 43-48.

вращением Японии, потерявшей свои позиции после поражения в 1945 г. Такое количество игроков обусловило специфику проводимой ими политики в отношении Монголии. Сочетание как жесткой, так и мягкой силы (Hard and Soft Power) характеризует набор современных методов борьбы за влияние в Монголии¹.

Концепция мягкой силы в случае Монголии актуальна в силу ее геополитического положения. Эта страна граничит только с Китаем и Россией, но сотрудничает с США, считающими себя «третьим соседом»², уравнивающим позиции двух других «соседей». Как отмечает Д. Файзуллаев, «ныне Монголия входит в пятерку стран, наиболее зависимых от внешней помощи. Возникает вопрос о причинах столь значительного внимания к ней со стороны мировых держав и финансовых институтов. Ведь эта страна представляет собой пустынную территорию с малочисленным бедным населением, с почти полным отсутствием инфраструктуры за пределами городов. Представляется, что основной причиной интереса к Монголии (по крайней мере со стороны США) стала возможность занять выгодную геополитическую позицию в непосредственной близости от двух основных политических и экономических центров силы Евразийского континента – России и Китая»³. Это создает сложную и почти патовую ситуацию в том случае, если все ставки будут сделаны исключительно на жесткое давление. Применение жесткой силы – военного вмешательства по отношению к Монголии – на протяжении XX в. приводило к серьезному дисбалансу сил во Внутренней Азии. Сегодня такая модель политического воздействия имеет в большей степени демонстрационный характер. Так, в ответ на монголо-американские военные учения «В поисках хана» (Khan Quest – 2007, 2008, 2009, 2011, 2013) проводятся российско-монгольские и монголо-китайские учения, что ведет к восстановлению стратегического паритета. Конкуренция в экономической сфе-

¹ Более подробно см.: Bedeski R.E. Mongolian Futures: Scenarios for a Landlocked State. – Stockholm: Institute for Security and Development, 2008.

² Сегодня политика «третьего соседа» предполагает наличие коллективного «третьего соседа», не оказывая предпочтений какой-либо одной стране. При этом Монголия стремится сохранять равноправие в отношениях со всеми странами, расширять географию внешних связей и реализовывать политику открытой экономики.

³ Файзуллаев Д.А. Битва за Монголию: оправдывает ли цель средства // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №3. – С. 30.

ре также не приводит к однозначному доминированию одной из сторон, исключением является лишь Китай, фактически занявший освободившееся после СССР место¹. В этих условиях США при реализации своих интересов в этой стране опираются на доктрину мягкой силы, а с начала 2000-х гг. схожие шаги начали предпринимать Китай и Россия. Согласно определению Президента России В.В. Путина, «Soft power – это комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»². Поэтому конкуренция за экономические ресурсы и политическое влияние в Монголии сопровождается борьбой за языковое пространство, религиозно-идеологическую сферу, образование и коммуникации.

В данный момент политическая ситуация в Монголии нестабильна, свидетельством тому являются акции протеста, митинги, столкновения с силами правопорядка, громкие антикоррупционные расследования, затрагивающие самых высокопоставленных госслужащих. Причины этого кроются в так и нерешенном вопросе об иностранных концессиях на добычу природных ресурсов и проблеме размеров т.н. «природной ренты» для населения, которую планируют ввести в Монголии по образцу стран Ближнего Востока. В связи с этим особое значение приобретают вопросы: какие институты в ближайшее время будут наиболее влиятельными в регионе и каким образом изменится региональная идентичность, а следовательно, отношения между людьми? Изменится ли система экономических связей и кто из «игроков» займет ключевые позиции в регионе?

Все это предопределило основной предмет нашего внимания – институты, которые обеспечивают основу безопасности и задают характер взаимодействий между людьми. Основное внимание в данной диссертации уделено неформальным институтам, т.е. всему тому, что оказывает нормативное воздействие на политическую культуру государства, на идентичность его граждан и представления о внешнем мире. Они складываются спонтанно, без чьего-либо сознательного замысла, как побочный результат взаимодействия

¹ Rupen R. *Mongols of the 21st century // Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian countries.* – Taiwan: Chinese cultural university, 2004. – Р. 14.

² Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. – 2012. – №5718 (45).

множества людей, преследующих собственные интересы¹. В свою очередь, под формальными институтами мы подразумеваем международные акты, политические партии, государственные институты и т.д. Различие этих двух типов институционализации определило стратегию нашего исследования.

Неформальные институты, являющиеся проводниками интересов тех или иных государств, стремятся упорядочить и стабилизировать ситуацию в регионе посредством гомогенизации политического пространства в соответствии с эталоном государства, претендующего на статус их патрона. Институты мягкой силы являются инструментами влияния на определение стратегий государств в сфере международных экономических отношений, идеологических ориентиров и культурных заимствований. Как следствие, для нас важно проследить формирование новых идентичностей, ценностных ориентаций, политических предпочтений, идеологических позиций. Все перечисленное входит в спектр т.н. неформальной политики и определяет политическую культуру государства. В частности, восприятие «Своего» и «Чужого», культурно близкого и «Другого» оказывает влияние на формирование позитивного/негативного образа соседнего государства, отражая сущность политики *soft power*. Мягкая сила, согласно автору этого термина Дж. Наю, – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. Мы считаем, что эффективность методов мягкого влияния коррелируется с уровнем институционализации этой сферы политики. От влияния этих институтов зависит место России не только в системе двусторонних отношений, но и во всем регионе Внутренней Азии. В этом контексте в центре внимания оказываются институты, которые понимаются как правила поведения и способы поддержания этих правил². Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества раз-

¹ Тарушкин А.Б. Институциональная экономика. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – С. 35.

² Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV, №3. – С. 113.

виваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен¹.

Структуры, олицетворяющие иностранное присутствие в Монголии, будь то сфера образования культуры или экономики, так или иначе, имеют свое преломление в поле политики. Изменение политической конъюнктуры влияет на их положение и роль в жизни монгольского общества. Это актуализирует роль институтов, устанавливающих правила игры в пространстве двухсторонних отношений, особенно на микроуровне. Ситуация в Монголии во многом сказывается на развитии всего региона Внутренней Азии².

Более того, на монгольском материале можно наглядно проследить процессы, которые оказывают влияние на состояние безопасности в регионе. Например, распространение «нетрадиционных» религиозных организаций, влиятельный «третий сектор», а также ослабление позиций институтов, считающихся традиционными (например, буддийской сангхи школы гелугпа).

Степень изученности проблемы. Поскольку речь идет о столь специфическом явлении, как Большая игра в Монголии, то количество работ, посвященных этой проблеме, сравнительно невелико. Однако хотелось бы отметить те исследования, без которых невозможно полноценное представление об изучаемой стране, о политических переменах в ней и о предмете нашего исследования. Прежде всего, это работы Н.В. Абаева³, Б.В. Базарова⁴, В.Б. База-

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – Москва: Фонд экономической книги Начала, 1997. – С. 17.

² Внутренняя Азия – это регион, некогда включавший себя фронтир двух империй – Российской империи и Цин. Сегодня это приграничные регионы России и КНР, а также Казахстан, Киргизия, Монголия. С российской стороны это Алтай, Бурятия, Тува. Сюда же относятся районы КНР: Автономный район Внутренняя Монголия, Синцзян-Уйгурский автономный район, Автономный район Тибет. Территория эта относительно стабильна, по сравнению с новыми независимыми государствами Центральной Азии. Первый шаг на пути понимания этого региона как единого целого был сделан в XIX веке. Многие географы того времени начиная с Александра фон Гумбольта (автора термина Inner Asian) ассоциировали ее едва ли не со всей Центральной Азией, включая Афганистан.

³ Абаев Н.В. Цивилизационная геополитика и этнокультурные традиции народов Центральной Азии и Алтае-Байкальского региона. – Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2006.

⁴ Базаров Б.В., Тумэндэмбрэл Н. Монголо-российские отношения на современном этапе: к проблеме регионального взаимодействия во Внутренней Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.

рова¹, Е.А. Белова², М.И. Гольмана³, Е.М. Даревской⁴, В.Д. Дугарова⁵, И.Я. Златкина⁶, И.М. Майского⁷, В.С. Мясникова⁸, Е.И. Лиштованного⁹, С.Г. Лузянина¹⁰, Д.Б. Улымжиева¹¹, Т.Б. Цыреновой¹², Ш.Б. Чимитдоржиева¹³. Анализ ключевых аспектов политических отношений России и Монголии посвящены работы В.Ц. Ганжурова¹⁴, О.А. Джагаевой¹⁵, А.С. Железнякова¹⁶, Ю.В. Кузьмина¹⁷, И.И. Ломакиной¹⁸, М.Б. Мещанинова¹⁹, С.А. Панарина, В.А. Родионова²⁰,

¹ Базаров В.Б. Месторождения полезных ископаемых Монголии: выгоды и угрозы // Власть. 2011. – №8. – С. 81–83.

² Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). – Москва: Наука, 1999.

³ Гольман М.И. Россия и Монголия после визита В.В. Путина // VIII Международный конгресс монголоведов. – Москва, 2002. – С. 22–28.

⁴ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: очерки истории русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX в. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994.

⁵ Дугаров В.Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв.: вопросы историографии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2004.

⁶ Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. – Москва: Изд-во вост. лит., 1957.

⁷ Майский И.М. Современная Монголия. – Иркутск: Гос. изд-во, 1921.

⁸ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. – Москва: Наука, 1980.

⁹ Лиштованний Е.И. От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007.

¹⁰ Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). – Москва: Восток-Запад; АСТ, 2007.

¹¹ Улымжиев Д.Б. Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961.

¹² Цыренова Т.Б. Сотрудничество России и Монголии в области охраны и использовании трансграничных вод / отв. ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2011.

¹³ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. – Москва: Наука, 1987.

¹⁴ Ганжуров В.Ц. Россия и Монголия (история, проблемы, современность). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

¹⁵ Джагаева О.А. Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений последней четверти XX столетия. – Москва: ИЭ РАН, 2003.

¹⁶ Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира. – Москва: ИС РАН, 2009.

¹⁷ Кузьмин Ю.В. «Монгольский и Урянхайский вопросы» в общественной мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1996.

¹⁸ Ломакина И.И. Грозные Махакалы Востока. – Москва: Эксмо, Яуза, 2004.

¹⁹ Мещанинов М.Б. Регионы России в торгово-экономическом сотрудничестве с Монголией. – Москва: Эксмо, 2009.

²⁰ Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009.

Г.С. Яскиной¹. В их работах рассмотрены различные аспекты российского присутствия в стране в контексте макрополитических трансформаций.

Отдельно хотелось бы отметить монгольских ученых, чьи труды заложили основу исследований безопасности в изучаемом регионе – это работы Н. Алтанцэцэг², Ж. Баясаха, О. Батсайхана³, Ц. Батбаяра⁴, К. Дэмбрэла⁵, Б. Лхамсурэна⁶, Г. Тумурчуулуна⁷, Л. Хайсандая⁸, Н. Хишигт⁹, Д. Шурхуу¹⁰ и других. Особо нужно отметить ряд монгольских работ, посвященных системе межгосударственных отношений во Внутренней Азии в контексте военной безопасности¹¹.

В числе американских и европейских исследователей, специализирующихся на изучении внешней политики Монголии, нужно

¹ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. – Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2002.

² Altantsetseg N. Russian-Mongolia and Sino-Mongolian Relation since 1990s // Олон улсын харилцаа. – 2003. – №2. – Р. 59-74.

³ Batsaikhan O. Mongolian independence and Kiakhta agreement of 1915 between China, Russia and Mongolia (1911–1916): Synopsis for the Scientific Doctor degree in History. – Ulanbaatar, 2002.

⁴ Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002.

⁵ Дэмбрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. – Иркутск: Оттиск, 2002.

⁶ Лхамсурэн Б. Монголын гадаад орчин, төрийн тусгаар тогтнол. – Улан-Батор: ШУА Дорно дахин, 1998.

⁷ Тумурчулуун Г. Процесс принятия внешнеполитических решений в малых государствах: на примере Монголии: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 23.00.04. – Москва: Научная книга, 2000; *Tumurchuluun G. Mongolia's foreign policy revisited: it's relations with Russia and China in the 1990s* // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1995. – №2. – Р. 12-33.

⁸ Хайсандай Л. Монгол улсын дэлхий ертөнцийн байдал // Олон улс судлал. – 2003. – №2. – Х. 5-20.

⁹ Hishigt N. Contemporary Mongolian-Russian Relation // Geopolitical Relation between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Taiwan: Chinese Culture University, 2004. – Р. 189-204.

¹⁰ Шурхуу Д. Глобализация и монголо-китайские торгово-экономические отношения // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – №6. – С. 82-88.

¹¹ См. журнал «Стратеги Судлал», в частности Ганбат А. Үндэсний аюулгүй байдал ба батлан хамгаалах асуудал // Стратеги Судлал. – 2007. – №39 (3). – Х. 3-23.

упомянуть Р. Бедески¹, А. Кампи², О. Латтимора³, Г. Мерфи⁴, М. Россабби⁵, Р. Рупена⁶, П. Саблофф⁷, А. Сандерса⁸, Р. Скалапино⁹, А. Уочмена¹⁰, К. Хамфри¹¹. Здесь же важно отметить роль аналитических центров, изучающих политические процессы и влияющих на формирование «общественного мнения», например, транснациональной исследовательской программы Silk Road (при университете Джоне Хопкинса)¹², направленной на изучение стран Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте их взаимоотношений с ближайшими соседями (в том числе с Монголией и Россией)¹³.

Изучение современного политического развития Монголии в западной историографии ориентировано на три основных сюжета: 1) демократия; 2) геополитика Монголии; 3) безопасность и про-

¹ Bedeski R.E. *Mongolian Futures: Scenarios for a Landlocked State*. – Stockholm: Institute for Security and Development, 2008.

² Campi A. *Mongolia in Northeast Asia – the New Realities // Geopolitical Relation between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. – Taiwan: Chinese Culture University, 2004. – P. 268-287.

³ Lattimore O. *Nationalism and Revolution in Mongolia*. – New York: Oxford University Press, 1955.

⁴ Murphy G. *Soviet Mongolia: A Study of the Oldest Political Satellite*. – Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1966.

⁵ Rossabi M. *Modern Mongolia from Khan to Commissars to Capitalists*. – Berkley, Los Angeles: University of California Press, 2000.

⁶ Rupen R. *Mongols of the 21st century // Geopolitical Relation between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. – Taiwan: Chinese Culture University, 2004. – P. 14.

⁷ Sabloff P. L.W. *Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy // Central Asian Survey*. – 2002. 21(1). – P. 19–36

⁸ Sanders A. *Mongolia 1990: a New Dawn // Asian Affairs*. – 1991. – Vol. 22, №2. – P. 53-61.

⁹ Скалапино Р. Впереди – вызовы грядущего // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 3. – С. 38-43.

¹⁰ Wachman A. *Mongolia's Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence. While Resisting «Soft Colonialism»*. Seoul: EAI, 2009; Wachman A. *Don't forsake Mongolia // Asia policy*. – 2009. – №7. – P. 57-59.

¹¹ Хамфри К. Русский язык как средство взаимопонимания между Монголей и Европой в XX – начале XXI века // Русский язык в постсоветском мире: уход и возвращение? Опыт Монголии: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Батор, 15–16.09.2010). – Улан-Батор: Монгольский государственный университет науки и технологии, 2012. – С. 13-19.

¹² URL: <http://www.silkroadstudies.org>

¹³ Bedeski R.E. *Genghis Khan, Mongolia and the Theory of Human Security // The China and Eurasia Forum Quarterly*. – 2008. – Vol. 6, №4. – P. 81-102.

блемы суверенитета. Объекту нашего исследования (Новой Большой игре) посвящены работы А. Кэмпби¹ и А. Уочмена². Труды этих авторов охватывают все три выделенных нами направления исследований. Однако наиболее интересными для нас являются работы А. Кэмпби о Монголии в современной Большой игре. Это исследование представлено в материалах статьи и публичной лекции в центре Восток-Запад в г. Вашингтон (см. <http://www.eastwestcenter.org/node/33682>). Алисия Кэмпби указала на тесную связь между геополитическими процессами в регионе и разработкой полезных ископаемых в Монголии³. Алан Уочмен, разрабатывая проблемы суверенитета и безопасности Монголии, лишь затронул проблематику Новой Большой игры. Однако он справедливо акцентировал внимание на геополитическом гамбите, разыгрываемом мировыми державами вокруг Монголии⁴.

С другой стороны, интерес представляют исследования Р. Бедески, касающиеся безопасности и суверенитета Монголии. Его аналитическая записка «Будущее Монголии» опирается на уникальный комплекс американских источников и характеризует сложившуюся вокруг Монголии геополитическую ситуацию⁵. Опираясь на метод сценариев, этот автор предлагает прогноз из четырех возможных моделей развития (пророссийской, прокитайской, проамериканской и промонгольской). Бедески отмечает, что наиболее перспективной является модель развития, при которой Монголия станет доминировать в Северо-Восточной Азии. При этом в представленной аналитической записке считается, что присутствие США в регионе благотворно сказывается на обеспечении независимости Монголии. В целом работы Р. Бедески отличаются ангажированностью, предвзятостью суждений и ориентированностью на политику США.

¹ Campi A. Mongolia's Turn at the «Great game» // *Asia Pacific Bulletin*. – 2012. – №1. – P. 2-4.

² Wachman A. Mongolia's Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence. While Resisting «Soft Colonialism». Seoul: EAI, 2009; *Wachman A. Don't forsake Mongolia* // *Asia policy*. – 2009. – №7. – P. 57-59.

³ Campi A. Mongolia's Turn at the «Great game» // *Asia Pacific Bulletin*. – 2012. – №1. – P. 2-4.

⁴ Wachman A. Mongolia's Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence. While Resisting «Soft Colonialism». Seoul: EAI, 2009; *Wachman A. Don't forsake Mongolia* // *Asia policy*. – 2009. – №7. – P. 57-59.

⁵ Bedeski R.E. Mongolian Futures: Scenarios for a Landlocked State. Asia paper. September 2008. – Stockholm: Institute for Security and Development Policy, 2008.

Кроме того, существует целый комплекс книг и статей, посвященных развитию демократии в Монголии. Данной проблеме посвящены работы М. Россابي, П. Саблофф и М. Фиша. Они описывают т.н. «монгольскую аномалию» – феномен посткоммунистического пространства, на котором образовалась «идеальная демократия»¹. Данные работы носят откровенно идеологически предвзятый характер и ставят задачу обосновать претензии Монголии и США на доминирующие позиции в Центральной Азии. Речь идет о символическом господстве, т.е. о том, что Улан-Батор в перспективе может стать эталоном, на который будут ориентироваться бывшие азиатские республики СССР. Особняком в этом ряду стоят работы Р. Скалапино – специалиста по странам Азии, автора ряда фундаментальных работ, в том числе и по Монголии². Проведенные им исследования носят более объективный характер и достаточно полно раскрывают специфику отношений между державами, заинтересованными в политическом присутствии в Монголии.

Объект исследования. Новая Большая игра в Монголии как часть геополитических процессов в современной Центральной Азии.

Предмет исследования. Неформальные институты мягкой силы иностранных государств в современной Монголии.

Цель работы: анализ процесса формирования иностранных институтов мягкой силы в Монголии в условиях борьбы за передел сфер влияния в Центральной Азии.

Исходя из поставленной цели мы сформулировали следующие задачи:

- определить роль Монголии в Новой Большой игре в современной Центральной Азии;
- определить значение институтов мягкой силы в Новой Большой игре;
- оценить потенциал мягкой силы основных акторов Новой Большой игры накануне ее начала;

¹ Fish M.S. The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // *Communist and post-communist studies*. – 2001. – №34(3). – P. 323-338.

² Scalapino R.A. US-Mongolian Relations and its Regional Implications: The Political Process in Northeast Asia and Mongolia's Challenge // *Comprehensive US-Mongolia Partnership: Challenges and Opportunities. Regional Security Issues and Mongolia*. The Institute for Strategic Studies. Vol. XXVI/MMIV. Proceedings of the Bilateral Conference (28 February – 1 March). – Ulaanbaatar, 2005. – P. 9-17.

- проанализировать динамику изменения региональной идентичности Монголии в постсоциалистический период;
- рассмотреть аспекты военно-политического сотрудничества Монголии в контексте использования мягкой силы;
- выявить роль логистических проектов в современной Монголии и использования мягкой силы для их реализации;
- выявить факторы, влияющие на монгольскую политику в сфере установления партнерских отношений с военно-политическими блоками;
- определить значение мягкой силы иностранных государств в формировании ситуации политической нестабильности в Монголии;
- рассмотреть роль иностранных НКО как института мягкой силы в современной Монголии;
- определить значение иностранного образования в политике мягкой силы;
- проанализировать роль структур по преподаванию иностранных языков в политике институционализации мягкой силы;
- рассмотреть иностранные религиозные организации в Монголии как институты мягкой силы.

Теоретико-методологическая основа исследования. В центре нашего внимания неoinституциональный подход. Первой работой, посвященной неoinституциональной теории, считается статья Рональда Коуза, опубликованная в 1937 г.¹ В ней Коуз вводит понятие транзакционных затрат, считая, что это поможет объяснить факт существования фирм. Однако продолжительное время после данной публикации тема неoinституционализма не поднималась. Новый всплеск интереса к ней пришелся на 1960-е, 1970-е гг.

Основными категориями, введенными неoinституционализмом, стали понятия «право собственности», «контрактные отношения», «транзакционные издержки», а акцент в исследованиях сместился на изучение институциональной структуры производства. Институты в рамках этой парадигмы приобрели значение набора норм и ограничений, способствующих максимизации богатства. Они включают в себя формальные правила (например, законы) и т.н. неформальные, т.е. совокупность норм поведения, появляю-

¹ См.: Coase, R.H. The nature of the firm. // *Economica*. – 1937. – Vol. 4. – P. 386-405.

щуюся в результате взаимодействия множества людей, каждый из которых преследует свои интересы. К ним относятся социальные условности, традиции, обычаи. Институты позволяют упорядочивать взаимодействие людей. Крупнейшими теоретиками данного направления стали Д. Норт и О. Уильямсон. Д. Норт выделил следующие составляющие институтов: формальные и неформальные нормы, а также механизмы, обеспечивающие их соблюдение. Создание новых институтов в этой теории связывается с появлением новых возможностей получения прибыли. Если производственные факторы предоставляют возможность увеличения доходов, а старые институты этому препятствуют, тогда велики шансы возникновения новых институтов¹. Если институциональные изменения отсутствуют, то это свидетельствует о несоразмерности издержек, связанных с ломкой старых институтов и внедрением новых норм, с предполагаемыми выгодами.

Неоинституционализм, в отличие от неоклассической теории, отрицает возможность рационального поведения индивида, поскольку последний (в данной теории) никогда не может обладать полной информацией для принятия решения, максимизирующего доход и минимизирующего затраты. Кроме того, неоинституциональный подход принимает во внимание тот факт, что вычисление оптимального решения связано с затратами ресурсов. В то же время в рамках данной концепции человеку приписывается свойство преследования своих интересов всеми возможными способами, поэтому он склонен нарушать договоренности (речь идет о таком понятии неоинституционализма, как оппортунистическое поведение). Из этого проистекает необходимость существования институтов – они смягчают последствия оппортунистического поведения и ограниченной рациональности, направляют поведение агентов и делают социальную среду стабильной.

Новая институциональная теория быстро вышла за рамки экономики. С 1990-х гг. эта методология проникла и в социально-политические исследования. Основной причиной тому стало допущение данной теории о том, что взаимоотношения между агентами координируют не только официальные структуры, но и неформаль-

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – Москва: Начала, 1997.

ные правила. Это открыло новые перспективы исследований, дало возможность изучать механизмы появления новых норм.

Институты как совокупность норм и правил одновременно стимулируют и ограничивают поведение агентов. Таким образом, институты являются одновременно и основанием и результатом действия¹. Агенты с большим политическим, социальным и другими видами капитала, иницирующие новые правила, имеют большую вероятность навязывания их слаборесурсным агентам. В экономическом поле, поле социальных повседневных взаимодействий, правовом, в поле политики, социально-культурном поле могут существовать свои правила игры, регламентируемые суверенными социальными институтами и принятыми практиками².

Неоинституционализм сместил фокус исследований на отношения, складывающиеся между агентами, которые в состоянии поддерживать уже существующие институты изменять их или создавать новые. Существование организаций в данной парадигме объясняется с позиций индивидуального поведения. Соответственно внимание исследователя получают не сами институты как структуры, а процесс их формирования. Важное значение в рамках данной теории приобретает и время. Неоинституционалисты переходят от рассмотрения разовых и полных контрактов к рассмотрению неполных контрактов предполагающих длительность во времени, т.е. «отношенческую контрактацию»³. В рамках неоинституциональных исследований анализируются и нормы, и структуры их производящие (т.е. агенты).

Одно из основных отличий неоинституционализма от других теорий состоит в том, что он рассматривает институты не как совокупность идеальных стандартов поведения, а как нормы и правила, регулирующие повседневную жизнь и используемые в ней. Этот факт открывает широкие перспективы для применения теории неоинституционализма в политических исследованиях.

¹ Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV, №3. – С. 113-114.

² Ядов В. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2009.

³ Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV, №3. – С. 110.

Кроме того, в данной работе мы опираемся на концепцию политики мягкой силы. Этот концепт характерен для неолиберального подхода в области исследований международных отношений. Помимо фундаментальной работы Дж. Ная «Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике»¹ необходимо упомянуть труды С. Брука, В. Волфорта², Дж. Джоффе³, Дж. Б. Маттерн⁴, Н. Фергюсона⁵, Т. Хартмана⁶. Нужно отметить, что с момента выхода книги Дж. Ная в 2004 г. его теория вызывает бурные академические дискуссии. Так, например, Нейл Фергюсон подверг критике концепцию мягкой силы на страницах своей книги «Колосс: взлет и падение американской империи»⁷. Также к числу критиков теории Дж. Ная относится Дж. Б. Маттерн со своей работой «Почему мягкая сила не особенно мягка: представительная власть и социолингвистика конструирования привлекательности в мировой политике»⁸. Нужно сказать, что теория мягкой силы вызывает нарекания со стороны как неореалистов, так и представителей либеральной науки за то, что ее методы являются достаточно жесткими и не всегда результативны.

Помимо теоретических дискуссий нужно упомянуть ряд прикладных исследований, оперирующих категорией мягкой силы. Это

¹ Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. — Москва: Изд-во ФСПИ «Тренды», 2006.

² Wohlforth W.C., Brooks S. G. Hard Times for Soft Balancing // *International Security*. — 2005. — Vol. 30, №1. — P. 72-108.

³ Joffe J. The Perils of Soft Power // [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=83

⁴ Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium — Journal of International Studies*. — 2005. — №33. — P. 583-612.

⁵ Ferguson N. *Colossus: The Rise and Fall of the American Empire*. — New York: Penguin Books, 2004.

⁶ Hartman T. Hard Questions for Soft Power // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/2/5/3/6/3/pages253631/p253631-1.php

⁷ Ferguson N. *Colossus: The Rise and Fall of the American Empire*. — New York: Penguin Books, 2004.

⁸ Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium — Journal of International Studies*. — 2005. — №33. — P. 583-612.

исследование Жака Хайманса по индийской геополитике¹. В случае Китая² – это работы таких ученых, как Ванг Пейран³, Ли Мингджанг, Лю Цзайци⁴, Хи Венпинг⁵, Янг Нам Чо, Джон Хо Джеон⁶. Сегодня китайская стратегия мягкого влияния привлекает внимание большинства западных политологов, в т.ч. и Дж. Ная, опиравшегося при разработке своей концепции на американский опыт. Одна из его видеолекций⁷ целиком посвящена Китаю и его успехам в сфере политики мягкой силы. Большой интерес представляет исследование М. Ларюэль «Центральноазиатская политика России и роль русского национализма»⁸. В этой работе анализируется концепция «русского мира» как инструмента российской мягкой силы в центральноазиатских государствах. Она является одной из первых работ по данной проблематике на Западе применительно к изучаемому нами региону.

Хотя теория мягкой силы, как и неолиберальный подход, имеет своих последователей и противников, на наш взгляд, ее использование должно быть ситуационным, т.е. соотноситься с особенностями предмета исследования. Мы считаем, что существуют исследовательские случаи, в которых применение данной теории некорректно или, напротив, целесообразно. Кроме того, многое зависит от интеллектуальных предпочтений отдельного исследователя, как и в

¹ Hymans J.E.C. India's Soft Power and Vulnerability // *India Review*. – 2009. – Vol. 8, № 3. – P. 234-265.

² Chinese Soft Power and Its Implications for the United States: Competition and Cooperation in the Developing World. Report of the Center for Strategic and International Studies Smart Power Initiative. – Washington, D.C.: Center for Strategic & International Studies, 2009.

³ Wang Peiran Mongolia's Delicate Balancing Act // *China security*. – 2009. – № 14. – P. 20-33

⁴ Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии Китая // *Политические исследования*. – 2009. – №4. – С. 149-155.

⁵ He Wenping. Overturning the Wall: Building China's Soft Power in Africa // *China Security*. – 2010. – Vol. 6, №1. – P. 63-69.

⁶ Young Nam Cho, Jong Ho Jeong. China's Soft Power: Discussions, Resources, and Prospects // *Asian Survey*. – 2008. – Vol. 38, № 3. – P. 453-472.

⁷ Joseph S. Nye China's Soft Power // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=RmWlgZPqFDs>

⁸ Laruelle M. Russia's Central Asia Policy and Role of Russian Nationalism. Silk Road Paper. – Washington D.C.: The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2008.

нашем случае, когда автор считает наиболее приемлемым неолиберальный подход.

Методы исследования. Для анализа эмпирических данных используется следующий исследовательский инструментарий:

1. Дискурс-анализ используются методики, разработанные Э. Лакло и Ш. Муфф для анализа проблемы конструирования «Другого» в политическом дискурсе региона.

2. Ивент-анализ позволяет нам проанализировать событийные данные, связанные с формированием логистической системы в регионе.

3. Факторный анализ используется при формировании модели корреляции между различными факторами, определяющими характер Новой Большой игры.

4. Сравнительный метод используется в процессе компаративного анализа институционального потенциала различных акторов Новой Большой игры в Монголии.

5. Ретроспективный метод используется при рассмотрении потенциала мягкой силы региональных держав накануне начала Новой Большой игры.

Территориальные рамки исследования локализуются на территории государства Монголия в его современных границах, которое соседствует с Россией на севере и с Китаем на востоке, юге и западе. Выхода к морю не имеет. Площадь – 1 564 116 км². Количество населения на 2011 г. – 2,8 млн чел., на 2012 г. – 3,1 млн чел., плотность населения составляет 1,3 чел. на квадратный километр. 40% территории Монголии занимает пустыня Гоби. Население столицы страны г. Улан-Батор – 1,480 млн чел. (данные 2013 г.).

Хронологические рамки исследования обусловлены ключевой датой, определившей новое политическое время, – 9 сентября 2001 года. С этого момента начинается реализация новой центральноазиатской политики США. С этого же времени начинается возвращение России на «Большой Восток», связанное с активными действиями Президента России В.В. Путина почти по всем направлениям восточной политики бывшего СССР. 2000-е годы характеризуются целой серией «цветных революций» на постсоветском пространстве, приведших к смене политических режимов в ряде государств. По мнению некоторых политологов, это время является началом

Новой Большой игры¹. Начинается не только масштабная конкуренция мировых держав и транснациональных корпораций за контроль над крупнейшими месторождениями природных ископаемых, логистическими системами, но и появляется особый политический дискурс. Дискурс Большой игры, начиная с 2000-х гг., занимает прочные позиции в публицистике и науке. И наконец, начиная с 2000-х гг., в условиях активного соперничества мировых держав мягкая сила используется для привлечения союзников и партнеров, а также для продвижения глобальных проектов регионального развития. В данной ситуации Монголия является государством, на примере которого можно проследить указанную динамику.

Несмотря на то, что исследуемый нами феномен локализуется периодом с 2000 по 2012 г., хронологию описания некоторых явлений, а также причин формирования тех или иных ситуаций мы начинаем с 1990 г. Дело в том, что изучаемая нами страна именно с этого времени начала период постсоциалистического развития, в ходе которого сформировались ключевые векторы внешней политики этой страны, поэтому некоторые разделы данной работы посвящены ретроспективному обзору монгольской политики 1990-х гг.

Положения, выносимые на защиту.

1. Современная Монголия является участником Новой Большой игры – процесса передела сфер влияния в Азии. По нашему мнению, термин Новая Большая игра, широко вошедший в политологический дискурс в XXI в., наиболее полно отражает специфику борьбы за доступ к природным ресурсам современной Монголии. Место этой страны в Новой Большой игре обусловлено ее географическим положением между Россией и Китаем, а также способностью влиять на ситуацию во Внутренней Азии в целом.

2. В условиях Новой Большой игры в Монголии важную роль играют институты мягкой силы. Категория *институты мягкой силы* рассматривается нами через призму неoinституциональной теории. В изучаемом нами случае большая роль данных институтов обусловлена высоким уровнем конкуренции между инвесторами монгольской экономики и недоступностью этой страны для военного вмешательства в силу географических причин. Вследствие этого

¹ См. работу: Китспоттер В. Большая игра в Центральной Азии // Ядерный контроль. – 2005. – Т. 11, №1(75). – С. 81-102.

набор инструментов жесткой силы в изучаемой нами ситуации оказывается существенно ограниченным, уступая место институтам мягкой силы.

3. Современная Монголия является, по определению китайского политолога Ван Пейранга, осторожно балансирующим государством. Это предполагает, что официальный Улан-Батор стремится выстраивать политические отношения не только со своими географическими соседями, но и уравнивать их влияние за счет США, стран ЕС, Японии и Южной Кореи. Это также ведет к активному применению политики мягкой силы как со стороны Монголии, так и со стороны государств, стремящихся получить преференции в ее горнодобывающей отрасли.

4. Мы выделяем формальные и неформальные институты мягкой силы. Под неформальными институтами мягкой силы мы понимаем структуры, официальная деятельность которых не связана с политикой и дипломатией, однако оказывает на нее непосредственное влияние. Предполагается, что неформальные институты мягкой силы играют ключевую роль в Новой Большой игре.

5. Диссертант выделяет четыре основных неформальных института мягкой силы, определяющих характер Новой Большой игры в Монголии: 1. Международные и иностранные некоммерческие организации. 2. Иностранные образовательные структуры. 3. Иностранные организации, занятые языковой политикой. 4. Иностранные религиозные объединения. Предполагается, что именно указанные институты определяют границы применения мягкой силы в Монголии, а также упорядочивают ее. Несомненно и то, что набор институтов не ограничивается только вышеперечисленными, однако, именно выделенные нами структуры являются ключевыми. Их сфера влияния охватывает большую часть стратегически важных направлений гуманитарного развития.

6. На современном этапе в сфере мягкой силы в Монголии лидер еще не определился, тем не менее, наиболее успешные позиции в этом направлении занимают США, Южная Корея и Россия. В перспективе большим потенциалом мягкой силы может обладать Китай, имеющий соответствующие государственные программы по улучшению своего имиджа. В современных условиях в Монголии Китай обладает большими экономическими преимуществами, однако в области мягкой силы является аутсайдером.

Научная новизна работы состоит в том, что при изучении современной политики мировых держав в отношении Монголии она опирается на неоинституциональный подход в сочетании с концепцией мягкой силы. Большая часть исследований феномена мягкой силы ограничивалась изучением его содержания и атрибутов. В этой работе впервые предпринимается попытка разграничить понятие формальных и неформальных институтов мягкой силы. Учитывая то, что фокус исследования направлен на неформальные институты, автор диссертации попытался определить их роль в политическом процессе на примере отдельно взятой страны, а также уровень их эффективности в условиях острой конкуренции мировых держав. Новым является также и определение набора ключевых неформальных институтов мягкой силы. В процессе анализа удалось систематизировать работы, описывающие феномен мягкой силы, в том числе принадлежащие американским, российским, европейским и китайским авторам.

Кроме того, к научной новизне нужно отнести первичность попытки рассмотрения современной внешней политики Монголии в российском научном дискурсе через призму концепции Новой Большой игры. Это позволяет более системно рефлексировать происходящие в этой стране события, связанные с конкуренцией мировых держав за месторождения природных ресурсов, а также с конкуренцией военно-политических блоков. Данная попытка дает возможность сформировать более полное видение происходящего в Монголии и в регионе Внутренней Азии в целом. Автор этой работы критически рассмотрел и эпистемологический потенциал концепции Новой Большой игры, указав на доминирование в нем неоимпериалистического и неоколониального нарративов. Подобные исследования в политической науке еще не проводились, хотя категориальный аппарат данной теории подвергался обоснованной критике. При рассмотрении процесса Новой Большой игры в Монголии широко использовался сравнительно-исторический метод, что позволило провести аналогии между конкуренцией современных мировых держав и соперничеством России, Китая и Японии в начале XX в.

Научная новизна данной работы заключается также в том, что в ее основу легли источники, ранее не использовавшиеся при изучении Монголии. Автор диссертации имел возможность сопоставить экспертные заключения монгольских, российских, американских и

китайских политологов. В приложении представлены авторские переводы документов. Это позволило сформировать новые интерпретации политических событий в Монголии, а также определить валидность заключений некоторых зарубежных экспертов. В рамках представленного исследования диссертантом была предложена собственная периодизация вступления Монголии в Новую Большую игру.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования эмпирических материалов и выводов исследования для экспертных и аналитических разработок по политической ситуации в Монголии. Эмпирический материал, собранный в ходе исследования, а также отдельные выводы диссертации могут найти практическое применение в деятельности органов государственного управления, политических и общественных объединений. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании специальных академических курсов «История Монголии», «Региональное развитие», «Мировая политика».

В **информационную базу** исследования легли официальные документы сайтов государственных органов Монголии (<http://www.pmis.gov.mn/>). Использованы количественные данные и статистика, собранные Институтом философии, социологии и права АН Монголии, «Сант Марал Фондом» (<http://www.santmaral.mn/>), информационным агентством МОНЦАМЭ. Это сведения о политических и культурных предпочтениях монголов, социальных стратегиях и, наконец, о восприятии своей страны и ее месте в международном сообществе. Отдельно нужно указать материалы, представленные русскоязычными СМИ: преимущественно речь идет о русскоязычной прессе Монголии (газеты «Новости Монголии», «Монголия сегодня», «Вестник центра Москва – Улаанбаатар»), а также газетах «Mongolian messenger», «UB-post». Были использованы материалы политических справочников, например, работы Ю. Кручина «Современная Монголия». Также были использованы сведения государственной статистики Монголии (Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл. 1990-2011). Данный источник содержит сведения о внешнеторговом обороте страны, о политических партиях, об итогах выборов, о религиозной ситуации и криминогенной обстановке. Некоторые выпуски данного сборника размещены на сайте Национальной статистической службы Монголии (официальный сайт – <http://www.nso.mn>). Помимо этого мы использовали материалы

монгольских научных периодических изданий «Стратеги судлал», «Mongolian Journal of International Studies» (<http://www.iss.gov.mn/?q=node/349>). Они содержат ценные сведения о политическом развитии страны, а также уникальные статистические данные, публикуемые Национальным институтом безопасности Монголии. Кроме того, освещая аспекты военно-политического сотрудничества, мы использовали материалы «White paper. Mongolian defense 1997/1998». Сюда же можно отнести электронные ресурсы – Business-Mongolia (<http://www.business-mongolia.com/>), блог Mongolia Today (<http://blogs.ubc.ca/mongolia/page/2/>). Важным источником является политбарометр, составляемый Сант Марал фондом (<http://www.santmaral.mn/en/publications>). Он дает подробный обзор политической ситуации в Монголии, статистику по положению политических партий накануне и после выборов, отношение населения к отдельным политикам.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории, археологии и этнографии восточного факультета ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Основные положения данной диссертации были апробированы в 15 статьях в рецензируемых журналах России и Великобритании. Кроме того, основные тезисы данной работы были представлены в качестве докладов и тезисов на VI Всероссийском конгрессе политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии взаимодействия» (Москва, 22-24 ноября 2012 г.), на X Международном конгрессе монголоведов (Улан-Батор, 9-13 августа 2011 г.), на семинаре Tartaria Magna в ИМБТ СО РАН (Улан-Удэ, 6 декабря 2012 г.)¹, на конференции Multidisciplinary Perspectives on Development, Environment and Political Economy (Улан-Батор, 2 июля 2012 г.), на III Антропологической конференции Reconsidering Central Asia Societies (Бишкек, 8 мая 2010 г.), а также более чем на 30 научных конференциях в Барнауле, Иркутске, Москве, Новосибирске, Томске, Улан-Баторе, Улан-Удэ.

Кроме того, данное диссертационное исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Большая игра» в современной

¹ Видеоотчет о данном мероприятии смотрите на интернет-сервисе YouTube // URL: http://www.youtube.com/watch?v=DJY_l2_bz-U

Внутренней Азии: проблемы нестабильности и безопасности в регионе), проект №12-03-00007. Концептуальные идеи и выводы диссертации изложены в 3 монографиях – 2 авторских и 1 коллективной. Основные результаты исследования также отражены в 15 статьях в ведущих рецензируемых отечественных журналах, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Диссертантом опубликованы 3 работы на английском и 1 на монгольском языке. Всего представлено 60 научных публикаций.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, представлена оценка степени ее изученности и разработанности, определены проблема, объект, предмет, цель и задачи исследования; показана научная новизна исследования. Кроме того, определены выносимые на защиту положения, теоретическая и практическая значимость исследования, представлена апробация полученных результатов.

Первая глава – **«Теоретические основы изучения Новой Большой игры во Внутренней Азии»** – представляет собой обзор основных подходов к изучению Новой Большой игры как геополитической реальности, а также анализ ее атрибутов и условий реализации. В первом параграфе – **«Новая Большая игра как политический дискурс»** – рассматривается история возникновения данного термина, его использование в науке. Определяется хронология этого процесса, рассматриваются основные точки зрения, объясняющие природу и характер термина. Автор диссертации акцентирует внимание на том, что метафора Большая игра, пришедшая из книг Р. Киплинга и писем А. Конолли, сегодня используется в работах М. Ахрари¹, Л. Кливмана², Р. Мюллерсона³,

¹ Ahrari M.E. The New Great Game in Muslim Central Asia. – Washington, D.C: University Press of the Pacific, 2002.

² Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. – New York: Atlantic Monthly Press, 2003; Mullerson R. Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game. – London: Kegan Paul, 2007.

³ Mullerson R. Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game. – London: Kegan Paul, 2007.

А. Рашида¹, М. Эдвардса. При этом на авторское право в отношении концепта New Great Game претендует политолог Ахмед Рашид², хотя данное утверждение является спорным. Характеризуя Новую Большую игру, один из ее теоретиков Луц Кливман отметил: «Повторяя Первую Большую игру, то есть имперское соперничество между Британской империей и царской Россией в XIX в., игроки снова маневрируют, пытаясь взять под свой контроль сердце Евразийского материка. Сегодня американцы отобрали у британцев лидирующую роль в этом соперничестве. Вместе с россиянами на арену этой борьбы вышли такие региональные державы, как Китай, Иран, Турция и Пакистан, а транснациональные нефтяные корпорации, которые преследуют в этой игре собственные интересы»³.

В то же время Новая Большая игра – это явление, вызывающее скепсис у ряда политиков. Наиболее показательной является фраза Струба Тэлботта: «Разрабатывая и осуществляя геополитику нефти, давайте постараемся мыслить понятиями, которые соответствуют XXI, а не XIX веку. Давайте оставим Редьярда Киплинга и Джорджа Макдональда Фрэзера там, где им и место, – на полках исторических романов»⁴. Мэтью Эдвардс, критикуя данную концепцию, напоминает о необходимости осторожнее использовать термин *Большая игра* из-за его масштабности⁵. Сомнения по поводу Новой Большой игры как некоей «рабочей модели», объясняющей внешнеполитические процессы в Азии, связаны с ее несистемностью и слабой аргументацией. Современный неоимпериализм и порожденная им борьба за природные ресурсы действительно вызывают аналогии с событиями XIX в. Однако политический контекст этих событий совсем иной. Все исследования по Новой Большой игре можно разделить на три типа: 1) опирающиеся на аналогии с прошлым; 2) утверждающие, что Новая Большая игра, несмотря на этимологическую связь, практически не имеет общих черт с XIX в.;

¹ Rashid A. Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. – London: I.B. Tauris, 2000.

² Рашид А. Талибан: ислам, нефть и новая большая игра в Центральной Азии. – Москва: Библион – Русская книга, 2003.

³ Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. – New York: Atlantic Monthly Press, 2003.

⁴ Цит. по: Леонтьев М. Большая игра. – Москва, 2010. – С. 75.

⁵ Edwards M. The New Great Game and the new great gamers: Disciples of Kipling and Mackinder // Central Asian Survey. – 2003. № 22(1). – P. 83-103.

3) в принципе отрицающие валидность термина *Большая игра* в ХХI в. Автор данной диссертации считает, что дискурс Большой игры представляет собой не столько строгую научную модель, сколько образ, некие переживания по поводу происходящего на современном Востоке. Российские политологи, легко подхватившие этот концепт, оказались в той же интеллектуальной ловушке, что и их западные коллеги. За последние пять лет почти каждая вторая работа о политике в Центральной Азии или на Кавказе выходит с названием *Большая игра*. На наш взгляд, это во многом обусловлено постимперской ностальгией и потребностью в построении глобальных моделей, оставшихся с советских времен. Отвечая на вопрос, есть ли Новая Большая игра, мы можем с уверенностью сказать, что она функционирует как некий политический дискурс, маркирующий политические изменения на современном Востоке. Сегодня сложилась определенная, опирающаяся на неореализм академическая традиция, фиксирующая цветные революции, борьбу за энергетические ресурсы и военные амбиции ведущих держав, претендующих на лидерство в региональном или глобальном масштабе. Она несет в себе ярко выраженные риторике в духе колониальной эпохи, и в этом и заключается основное сходство двух игр.

Второй параграф – «**Роль институтов мягкой силы в Новой Большой игре**» – посвящен определению сущности и содержания мягкой силы и процессу ее институционализации. Диссертант придерживается дефиниции мягкой силы, сформулированной Дж. Наем в 1990 г., давшим достаточно пространное, но все же всестороннее определение этого термина. Термин включает в себя следующие позиции:

- способность формировать предпочтения других;
- способность привлекать, и эта привлекательность часто происходит с молчаливого согласия;
- способность заставить других хотеть того же результата, что хотите и вы из-за обращения в вашу культуру и идеологию;
- способность стран получать желаемые результаты в мировой политике, потому что другие страны наблюдают их достижения, подражают их примеру, стремятся к уровню процветания и открытости, желая достичь его;
- ключевой элемент управления, способность притягивать (заставить) других хотеть того, чего хотите вы, формировать запросы, устанавливающие повестку дня.

Кроме того, мы вводим понятие формальных и неформальных институтов мягкой силы. Традиционно формальными институтами мягкой силы являются официальные представительства, действующие от лица иностранного государства и находящиеся в стране, на которую оказывается это влияние. Они формируют официальную позицию государства, которое они представляют. Кроме того, они регулируют и координируют нормы, касающиеся репрезентации официального мнения или образа своей страны. Делая заявления на официальном уровне, выражая поддержку или неодобрение, формальные институты мягкой силы напрямую выступают от лица государства. Мы считаем, что неформальными институтами, реализующими политику мягкой силы, могут выступать: религиозные структуры, образовательные учреждения, структуры, реализующие языковую политику, и НКО. Почему они рассматриваются как неформальные? Ответ на этот вопрос лежит в нормативной плоскости, их официальная деятельность ни в коей мере не связана с внешней политикой или публичной дипломатией. Однако именно они формируют стереотипы восприятия на уровне «Свой-Чужой», идентичности, системы ценностей у населения. Институтами они являются в силу того, что представляют собой воплощение норм и правил действия в поле политики мягкой силы. Они выступают как объективированные неявные правила того, кем и как может быть представлено государство в рассматриваемой нами сфере. Наконец, они регулируют пространство применения *soft power* в плане определения масштабов иностранного присутствия, его границ и характера.

В третьем параграфе — «Ключевые игроки и их потенциал «мягкой силы» к началу XXI века» — определяются позиции ключевых держав региона в Новой Большой игре. Рассматривая потенциал мягкой силы стран, которые в 2000-е гг. стали участниками Новой Большой игры, мы должны отметить тот факт, что к началу 1990-х гг. только у США существовала оформленная Дж. Наем модель ее реализации. Многие государства целенаправленно работали над своим позитивным имиджем в мире, однако, как мы уже указывали ранее, мягкая сила не сводится только к одному положительному образу. Именно поэтому США получили наибольшее преимущество в данной сфере почти на всем постсоветском и постсоциалистическом пространстве. Однако потенциал мягкой силы — фактор не менее важный, чем эффекты, получаемые в результате реализации данной политики. К концу 1990-х гг. Япония, Южная

Корея и КНР начинают разработку собственных моделей мягкой силы. В 2000-е гг. в России также сначала на уровне теории, а впоследствии и на практике, в виде политики «Русского мира» и ряда других проектов, появляется собственный алгоритм продвижения мягкой силы.

К началу XXI в. окончательно сложилась расстановка сил во Внутренней Азии. Учитывая, что основной сферой влияния является Монголия, мы рассмотрели соотношение сил на ее территории. Серьезное преимущество закрепилось за КНР, Россией, США и Японией. Эти государства имеют различные показатели и параметры в сфере применения жесткой и мягкой силы, но именно они к началу 2000-х гг. имели четко обозначенные интересы в Монголии и стремление влиять на ситуацию в регионе в целом. Впоследствии в этот процесс включаются Южная Корея, Индия и Турция, однако их отрыв от лидеров слишком существен. Сегодня ключевые игроки Новой Большой игры, помимо политического влияния, стали конкурировать за доступ к природным ресурсам, а накопленный в 1990-е гг. потенциал стал важным преимуществом в данной борьбе.

В четвертом параграфе – **«Современная Монголия в поисках региональной идентичности»** – мы анализируем феномен ситуативной идентичности, который определяет характер анализа политики Монголии в условиях Новой Большой игры. Под политической идентичностью страны подразумевается ее соотношение с каким-либо объединением стран, формирующих регион, военно-политический блок или историко-культурную общность. В условиях постсоциализма начала формироваться новая система таких отношений. Страны Восточной Европы выбрали ориентацию на Евро-союз и относительно успешно интегрируются в него. Наибольшее количество проблем возникло у бывших союзников СССР в Азии – Вьетнама, КНДР, Монголии. Они представляют совершенно различные типы развития и самоидентификации – от полуизоляционизма (КНДР) до т.н. «ситуативной идентичности»¹. Монголия выбрала последний вариант, поэтому сегодня нам сложно предположить, какой будет политическая ситуация во Внутренней Азии в XXI в. Идентичность выстраивается вокруг ряда маркеров, наиболее ярко характеризующих принадлежность к тому или иному ре-

¹ Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab imperio*. – 2002. – №3. – С. 75-76.

гиону. Набор этих маркеров формирует идентичность, а их характер – тип региона (политический, экономический, культурно-исторический). Влияние в регионе и влияние в стране для современных региональных лидеров определяются возможностью предлагать набор маркеров и принимать решение о соответствии им другого государства. В случае с Монголией за это право борются США, КНР, Россия и Республика Корея. Таким образом, вопрос о том, чьи и какие маркеры будут доминирующими в процессе выстраивания Монголией своей региональной идентичности, сегодня является наиболее значимым. Многообразие этих маркеров определяется сложившейся политической ситуацией вокруг Монголии и ее природных ресурсов, за которые конкурирует множество транснациональных промышленных групп (БазЭл, Rio Tinto, Ivanhoe mines и т.д.). Эта неоднозначность порождает множественность вероятных сценариев развития ситуации вокруг идентификации изучаемой нами страны.

Ситуативная идентичность в случае Монголии позволяет ей быть открытой для диалога как с географическими соседями, так и с «третьим соседом». При этом, учитывая постоянное балансирование монгольской элиты в выборе партнера, сложно определить, на кого будет ориентирована эта страна в прогнозируемом будущем. В этой ситуации необходимость лавировать обеспечивает Монголии максимально широкие гарантии сохранения суверенитета. Однако многополюсная ориентация ведет к нарушению баланса сил в регионе и создает угрозы стабильности и безопасности. Это вызывает беспокойство как со стороны Китая, так и со стороны России, стремящихся обезопасить свои границы от вероятных новых угроз.

Во второй главе – **«Монголия в Новой Большой игре: процессы, акторы, институты»** – представлен анализ текущей ситуации, определяющей контекст Новой Большой игры и участия в ней Монголии. В первом параграфе – **«Военно-политические аспекты Новой Большой игры в Монголии»** – рассматриваются факторы жесткой силы, используемые государствами в условиях конкуренции за доступ к природным ресурсам и геополитическому пространству Монголии. Военно-политическое сотрудничество Монголии на современном этапе характеризуется многовекторностью партнерских отношений. Под влиянием мягкой силы тех или иных государств или политических блоков она оказывается связанной партнерскими обязательствами с самыми разными государствами,

интересы которых зачастую конфликтуют друг с другом. Новая Большая игра также оказывает влияние на спектр партнерских отношений Монголии в военной сфере. Монгольские контингенты находятся в самых экзотических точках, начиная с Ирака, заканчивая Сьерра-Леоне. Фактически эта страна участвует в переделе сфер влияния.

События 2012 г. показали, что, стремясь уравновесить растущее влияние Китая в регионе, Монголия также идет на военное сотрудничество с Индией и проводит совместные с ней учения. Нужно сказать, что в 2012 г. прошли и российско-индийские учения. Большинство современных политаналитиков, описывая Новую Большую игру, отмечали пассивную роль Индии¹ в этом процессе, однако, ориентируясь на события 2012 г., мы можем сказать, что и эта страна включилась в общий геополитический тренд.

Во втором параграфе – **«Монголия и геополитика региональных логистических проектов»** – определяется роль логистических проектов, зачастую не находящих своего воплощения в формировании региональной политики страны. Именно эти проекты были важным источником мягкой силы, так как формировали новый взгляд на регион и новую концепцию региональных отношений. Привлекательность идеи Шелкового пути формировала притягательность идеи интеграции народов Центральной и Внутренней Азии. Эта концепция актуализировала идею общности историко-культурных традиций тюркских и монгольских народов². Проекты, не находящие реального воплощения, оказывают влияние на политику в такой же степени, как и реализованные. Они открывают возможности для еще одной важной составляющей мягкой силы – моделей будущего. Эта плоскость связана напрямую с верой в политические идеалы и опосредованно с самоидентификацией. Идеальные политические миры (основанные на воображаемых экономических системах) иногда определяют мотивации политических действий³. Сегодня все это стало важным инструментом влияния. На наш

¹ Jen-kun Fu Reassessing a «New Great Game» between India and China in Central Asia // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2010. – Vol. 8, №1. – P. 17-22.

² См.: Панарин И. Доклад на евразийском диалоге // Геополитика. США и Центральная Азия. – 2004. – Ч. 1. – С.13.

³ Транснациональные политические пространства. Явление и практика. – Москва: Весь мир, 2011.

взгляд, в перспективе роль таких инструментов будет только увеличиваться.

В третьем параграфе – **«Мягкая сила ШОС и НАТО и проблема суверенитета Монголии»** – анализируется роль международных организаций в Новой Большой игре в Монголии и их мягкая сила. В данном разделе рассматривается роль кумулятивного эффекта в сфере применения мягкой силы. Речь идет об объединении стран в блоки и их способности оказывать положительное влияние на соседние государства, как в случае с ШОС. Другая ситуация – это собственная мягкая сила блока, например, являющегося воплощением западного мира (западных ценностей и т.д.). Таким блоком является Североатлантический альянс. По нашему мнению, если и существует конкуренция между ШОС и НАТО, то она находится в плоскости мягкой силы. С одной стороны Россия и КНР, объединившиеся для решения глобальных проблем, а с другой стороны НАТО, ведущий активную экспансию на мировой арене на протяжении всего периода своего существования. Рассматривая «притягательность» и «легитимность» политики этих блоков, политологи сталкиваются с дихотомией Запада и Востока и соответствующих этим концептам атрибутов. Однако данное суждение является условным, поскольку решения, связанные с партнерством в рамках ШОС или НАТО, лежат в сфере *realpolitik*¹. Современные Китай и Россия, выступающие в данном случае в качестве партнеров, обладают сложившимся в последние двадцать лет потенциалом для мягкого влияния. В то же время среди преимущественно американских политологов получила распространение достаточно тенденциозная точка зрения, согласно которой ШОС является объединением авторитарных государств. Обратной стороной этого мнения является позиция о НАТО как об агрессивном блоке, навязывающем чуждые ценности и ломающем традиционные политические уклады западных государств. Все эти дихотомии находят отражение и в политическом дискурсе современной Монголии. При этом мягкая сила международных военно-политических блоков определяется их позицией в сфере идеологии и систем ценностей, которые они продвигают. Хотя роль воспроизводства негативных образов также велика.

¹ См. Асанов Б. Сможет ли ШОС стать альтернативой НАТО // URL: http://inosmi.ru/presskg_com/20121207/203072489.html

Вопрос о партнерстве Монголии и ШОС сегодня является достаточно сложным, но все же имеющим перспективы для дальнейшего развития. Однако однозначного выбора ориентира со стороны официального Улан-Батора ожидать не следует¹. Сложившаяся ситуация осложняется еще и тем, что в политическом дискурсе этой страны ШОС постоянно противопоставляются НАТО. Хотя де-факто руководство Шанхайской организации сотрудничества не отрицает возможности партнерских отношений с Североатлантическим альянсом. Проблема заключается не столько в том, на чьей стороне Монголия будет бороться с терроризмом, сколько в доступе к разработке месторождений ее природных ресурсов. Сотрудничество с Североатлантическим альянсом является важным вектором участия Монголии в мировой политике². 27 мая 2011 г. произошла встреча президента Монголии Ц. Элбэгдоржа с генеральным секретарем НАТО по безопасности и партнерским связям Дж. Аппатурем. По итогам этого мероприятия монгольский руководитель заявил: «Монголия заинтересована в сотрудничестве и желает получить статус страны-партнера в НАТО»³. В сентябре 2012 г. это государство направило уже седьмую смену миротворцев для службы в Афганистане. В среде политической элиты современной Монголии сотрудничество с НАТО рассматривается как определенная гарантия суверенитета страны и ее демократического развития. При этом политическое руководство Монголии стремится соблюдать баланс в отношениях с этими двумя партнерами.

В четвертом параграфе – **«Борьба за влияние в Монголии и вызовы политической нестабильности»** – рассматривается характер политических беспорядков в столице Монголии, происходивших в последние десять лет. По мнению ряда экспертов, они имели прямое сходство с цветными революциями на постсоветском пространстве. Однако данная точка зрения не находит своего подтверждения на практике. Монголия является одним из участников Новой Большой игры, и, имея мало общего с неопатримониальными

¹ Jargalsaikhan M. Factoring Mongolia's non-membership in the Shanghai Cooperation Organization // *Voices from Central Asia*. – 2012. – №1. – P. 2-6.

² Rozoff R. Mongolia: Pentagon Trojan Horse Wedged Between China And Russia. // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.globalresearch.ca/mongolia-the-pentagon-s-trojan-horse-us-nato-partner-wedged-between-china-and-russia/18423>

³ Монголия хочет получить статус партнера в НАТО // URL: <http://actualcomment.ru/news/25171/>

режимами в центральноазиатских государствах, она все же попадает в число стран, которые были затронуты цветными революциями. Но теория выхода из посткоммунизма, предложенная М. Макфолом¹ (ныне послом США в РФ), все же имеет под собой определенные основания и в этом пересекается с целями Новой Большой игры. Задача последней – окончательно закрепить расклад сил и распределение ресурсов в условиях нового миропорядка. Монголия же в этом контексте государство, «осторожно балансирующее»² между ключевыми политическими акторами мировой политики. Следуя этой логике, можно предположить, что задача цветной революции в этой стране – положить конец этому балансированию и вынудить ее занять позицию одной из многих сторон Новой Большой игры. По нашему мнению, наметившийся экономический рост (в определенной степени достигнутый за счет иностранных инвестиций) может существенно стабилизировать политическую ситуацию в изучаемой стране. Вследствие этого революционный сценарий для Монголии становится все менее реалистичным, а потому для достижения своих задач иностранные державы вынуждены все больше полагаться на мягкую силу.

В третьей главе – **«Неформальные институты мягкой силы как инструмент Новой Большой игры»** – представлена эмпирическая составляющая исследования, основанная на материалах по Монголии.

В первом параграфе – **«Международные и иностранные общественные организации как неформальные институты мягкой силы в Монголии»** – рассматривается роль иностранного и международного третьего сектора в политической жизни современной Монголии. Начиная с 1990-х гг., на всем пространстве влияния и присутствия бывшего СССР началось распространение некоммерческих, неправительственных организаций. Начало Новой Большой игры актуализировало потребность в данных структурах как в важном инструменте для распространения идей и организации социальных групп. В данной работе мы не затрагиваем вопрос об уровне эффективности социальной политики, проводимой НКО, ограничиваясь только уровнем внешней политики. В 1990-е гг. на террито-

¹ Макфол М. Пути трансформации посткоммунизма // Pro et Contra. – 2005. – Т. 9. – № 2.

² Wang Peiran Mongolia's Delicate Balancing Act // China security. – 2009. – №14. – P. 72-85.

рии всей Внутренней Азии создавались американские, европейские, корейские и японские организации. Первоначально они были заняты в сфере оказания гуманитарной помощи в период продовольственного кризиса конца 1980-х — начала 1990-х гг. Впоследствии они стали лидерами в трех сферах: 1) права человека; 2) образование и исследования; 3) развитие гражданского общества. Нужно сказать, что под международными НКО мы понимаем организации, занятые в т.н. «третьем секторе» и ведущие деятельность по всему миру. Однако зачастую (но не всегда) они выступают проводниками интересов отдельных государств, в которых они были созданы или зарегистрированы. Сегодня в Центральной и Внутренней Азии международные НКО являются участниками Новой Большой игры. Мы считаем, что они формируют положительный образ страны, которую они представляют среди населения государства, в котором они присутствуют. В результате это сказывается на межгосударственных отношениях. В ряде стран Азии НКО контролируют значительный сегмент социальной политики, зачастую по влиянию превосходя государство. Наряду с религиозными организациями они выступают в качестве представителей интересов различных групп населения. Третий сектор Монголии достаточно многообразен, он представлен иностранными организациями из Евросоюза, КНР, России, США, Республики Корея. Все они преследуют свои цели в социальной сфере, начиная с поддержки диаспоры, заканчивая продвижением культурных ценностей, и языка. В политике они задействованы в обучении лидеров¹, в развитии гражданского общества, в анализе электоральных процессов, в подготовке независимых наблюдателей. Выступая независимыми экспертами, представители иностранных и международных НКО участвуют в формировании общественного мнения и косвенно оказывают на него влияние. Экспертная функция становится наиболее значимой в период выборов, когда дискутируются электоральные ожидания или непосредственные итоги выборов.

Кроме того, представители третьего сектора иногда напрямую вмешиваются в политику. Особенно это касается правозащитных организаций, активно защищавших участников политических беспорядков в Улан-Баторе 2008 г. Именно НКО вступают в повсе-

¹ Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. — 2008. — Т. 6, №1. — С. 76-85.

дневные взаимодействия «здесь и сейчас» с населением Монголии, формируя у него представления о моделях взаимоотношения с государством и внешним миром. Это, в свою очередь, сказывается на политических идентификациях монгольского электората, прежде всего молодежи, которая является основной частью населения страны. Особо политизированные НКО зачастую выступают с призывами к акциям неповиновения властям.

Во втором параграфе – **«Иностранное образование в Монголии как институт культурного влияния»** – рассматривается роль иностранных вузов и образовательных учреждений в процессе формирования политической элиты Монголии, а также новых идентификационных практик среди широких масс населения этой страны. Мы считаем, что образование – это сфера культурного влияния, в рамках которой можно производить и транслировать политические, социальные и культурные ценности, выстраивая их в иерархии. Оно формирует мировоззрение, популяризирует те или иные карьерные ориентиры и стратегии социальной мобильности. Справедливы в своем утверждении М.М. Лебедева и Ж. Фор: «Достижения государства в науке, в культуре и других областях сразу же привлекают студентов в эту страну именно по данным направлениям, которые сразу же становятся наиболее престижными и востребованными. Следует иметь в виду, что при обучении в юношеские годы в значительной степени формируется система ценностей, которые потом сопровождают человека всю жизнь»¹.

Новое поколение монгольских экономистов, политиков и юристов, получивших образование в Европе и США, все больше начинает диктовать новые правила взаимоотношений в пространстве публичной политики этой страны. Получают широкое распространение новые политические ценности, зачастую просто скопированные с иностранного эталона. Сюда же можно отнести и отношение к религии и науке. Эти сферы тесно связаны с мировоззрением человека, на формирование которого непосредственное влияние оказывает образование. В результате складывается иное понимание мира и другой взгляд на своих соседей.

Образовательные учреждения занимают особое место среди неформальных институтов мягкой силы. Дело в том, что они имеют

¹ Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – №6. – С. 200-205.

конкретную целевую аудиторию и четко локализованное пространство. Все эти факторы делают их по-прежнему весомыми, несмотря на достаточно серьезные изменения, произошедшие в этой сфере. Глобализация в образовании, как уже отмечалось ранее, существенно снизила, в сравнении с эпохой биполярного мира, уровень эффективности образовательных структур в сфере политического влияния. В современной Монголии эта ситуация наблюдается наиболее показательно. Разнообразие выбора в сфере образовательных услуг не позволяет говорить об однозначном доминировании какого-либо государства.

В третьем параграфе – **«Языковая политика как инструмент мягкой силы»** – мы рассматриваем процесс распространения мягкой силы иностранных государств в Монголии через языковую политику и номинационные практики. В изучаемом нами контексте язык является важным инструментом политики мягкой силы. Популярность иностранного языка напрямую связана с престижным потреблением (для этого необходимы инвестиции), интересом к культуре и привлекательностью образа страны. Именно посредством языка передаются культурные и политические смыслы, формирующие представления у людей на уровне «Свой» – «Чужой». Это напрямую влияет на идентификацию в сфере политики, на отождествление своей шкалы ценностей с какой-либо другой «дружественной» и противопоставлением ее некоей «Другой» – враждебной. В этом проявляется важная номинационная функция языка. Сегодня формируется новая модель языкового пространства Внутренней Азии и китайский фактор в этом процессе является ключевым. В Монголии решается то, каким будет будущий вектор культурного развития этого региона. Именно образ меняющейся Монголии может стать привлекательным для соседних субъектов РФ, имеющих с ней тесные историко-культурные связи. Ее положительный/отрицательный опыт культурного взаимодействия с КНР или с США в будущем может серьезно влиять на региональные ориентиры. Монголия, как полагают американские аналитики, может стать ориентиром или эталоном для всей Центральной и Внутренней Азии, поэтому столь важной и актуальной является проблема языкового влияния.

В четвертом параграфе – **«Религия как фактор мягкой силы в современной Монголии»** – мы рассматриваем религиозные институты как инструмент политики мягкой силы. В целом данный

процесс не был изучен, отдельные его проявления достаточно хорошо были описаны в трудах Л.Л. Абаевой¹, Н.Л. Жуковской², Р.Т. Сабирова³, Ю.П. Шагдурова⁴, К. Хэмфри⁵, Д. Чулуунжава⁶, Ц. Цэцэнбилэг⁷. Изначально автор теории мягкой силы Дж. Най всячески избегал упоминания в своих работах о религии. Однако после массового распространения и критики его идей упоминания о религии в контексте «soft power» стали достаточно частыми. Так, политолог Колин Тэлбот в своем блоге на Уайтхолл-Виллидж опубликовал статью «Завершая Ная: религия и мягкое влияние»⁸. Он считает, что религия является старейшим в мире инструментом идеологического влияния. Наиболее интересными исследованиями в этой области являются работы Джеффри Хейнса, посвященные проблематике религиозного мягкого влияния. Он связывает возрастающую роль религии в международных отношениях с процессами десекуляризации и постколониализма. Данного подхода придерживается и автор данной работы. Мы рассматриваем религиозное возрождение в Монголии в контексте Новой Большой игры в Центральной и Северо-Восточной Азии. Религия выступает в данной геополитической ситуации как инструмент политики мягкого влияния, предполагающей т.н. «гуманитарную экспансию»⁹. По официальным данным, в 2010 г. в Улан-Баторе зарегистрировано и дейст-

¹ Абаева Л.Л. Эволюция традиционных верований и культов монголоязычных народов (XVI–XX вв.): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Москва, 1992.

² Жуковская Н.Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. – Москва: Наука, 1988.

³ Сабиров Р.Т. Буддизм в современной Монголии: традиционные и новые элементы // Научная конференция «Ломоносовские чтения»: тезисы докладов. Востоковедение. – 2006. – Апрель. – С. 348–353.

⁴ Шагдуров Ю.П. Православная церковь в Монголии // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке: Монголия и её окружение: материалы научных круглых столов. – Москва, 2005. – С. 121–123.

⁵ Humphrey C. Shamans in the city // Anthropology Today. – 1999. – №15(3). – P. 3–11.

⁶ Чулуунжав Д. Игэний нийгмийн онол, практикнй зарим асуудал (Шинэ Ундсэн хууль, иргэний нийгэмш). – Улан-Батор, 1997.

⁷ Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. – Улан-Батор, 2002.

⁸ Talbot C. The End is Nyc: Religion and Soft Power // URL: <http://whitehall-watch.org/2009/09/21/the-end-is-nyc-religion-and-soft-power/>

⁹ Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – Москва: Изд-во ФСПИ «Тренды», 2006.

вует 115 христианских храмов и церквей, 62 буддийских монастыря и дацана, 10 шаманских центров, 2 мечети, 1 бахаистский храм¹. В то же время, стремясь сохранить образ демократического государства, руководство Монголии периодически балансирует между существенным ограничением нетрадиционных религий и свободой вероисповедания. При этом в большинстве отчетов организации Freedom house уровень религиозной свободы в этой стране оценивается как стабильно высокий². По данным монгольской статистики, наряду с действующими буддийскими монастырями и храмами в больших количествах открываются новые, растет и число христианских церквей и других религиозных сект. В 2010 г. общее количество храмов и монастырей составляло 234 – по сравнению с 2007 г. это число снизилось на 15% для храмов и на 6% – для монастырей. В то же время такие показатели свидетельствуют о положительной динамике по сравнению с 2008 и 2009 гг.: в 2010 г. количество храмов выросло на 6% по сравнению с 2008 г. и на 2% по сравнению с 2009 г., а количество монастырей возросло на 2,6% по сравнению с 2008 г. и на 0,9% по сравнению с 2009 г. В том же 2010 г. 54,3% общего числа храмов и монастырей в Монголии были буддийскими, 41% христианскими, 2,6% принадлежали исламской конфессии, 2,1% составляли церкви и священные объекты других религий.

В **Заключении** диссертации сформулированы основные теоретические выводы. 1. Новая Большая игра – это парадигма для рефлексии по поводу политики в Азии в условиях постбиполярного мира. Это концепт, при помощи которого наиболее удобно категоризировать политику борьбы за контроль над природными ресурсами, развернувшейся в 2000-е гг. Называя все происходящее не только в изучаемом нами регионе, но и в Центральной Азии, на Кавказе и Ближнем Востоке Новой Большой игрой, мы предполагаем масштабное соперничество за сферы влияния. Нужно сказать, что этот феномен описывается в категориях традиционной геополитики, пределы которой были исчерпаны еще в начале XX в. Сегодня мы наблюдаем масштабное возрождение этих теорий, а также риторик экспансии. Мы рассмотрели то, как строится геополитика во Внутренней Азии на примере борьбы за влияние в Монголии, в стране, которая является неким условным

¹ Mongolian Statistical Yearbook 2010. – Ulaanbaatar, 2010. – P. 356.

² Freedom in the World 2013. Democratic breakthroughs in the balance // URL: <http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/FIW%202013%20Booklet.pdf>

«хартлендом» этого региона. Помимо контроля над месторождениями природных ресурсов мы имеем дело еще и с сугубо политическим фактором: Монголия – это территория, всегда являющаяся предметом беспокойства у России и Китая в силу ее соседства с монголоязычными регионами этих стран. Даже сегодня, когда панмонголизм стал только историей и давно сдан в архив, нестабильность в Монголии по-прежнему рассматривается как угроза безопасности приграничным районам ее географических соседей. 2. Одновременно Новая Большая игра характеризуется конкуренцией образов. Она подразумевает под собой стремление отдельных государств продвигать свою политику, ценности, формировать институты влияния, опираясь на собственную привлекательность среди населения других стран. Эта политика мягкой силы реализуется на различных уровнях. Однако мы делаем акцент на неформальных институтах мягкой силы. Под ними мы подразумеваем:

- институты, реализовывающие политику по продвижению иностранного языка;
- зарубежные образовательные структуры;
- иностранные неправительственные и некоммерческие организации;
- нетрадиционные религиозные объединения.

Эти институты формируют неформальные нормы и правила того, каким образом может реализовываться иностранное влияние. Модели поведения, выработанные за рубежом данными структурами, впоследствии могут воспроизводиться другими подобными акторами. Представленные институты в классификации Г. Хелмке и С. Левитски относятся к т.н. конкурентным неформальным институтам. Указанные структуры влияния неявно формируют настроения в монгольском обществе, а также некий общий контекст глобальных политических изменений в регионе Внутренней Азии, которые стали происходить после распада СССР. Мы рассматриваем мягкую силу как политику, позволяющую неявно навязывать интерпретацию тех или иных политических решений или экономических проектов в позитивном ключе. При этом все они могут быть исключительно в интересах государства, реализующего политику мягкой силы, а не страны, в отношении которой мягкая сила применяется. Таким образом, она становится важным инструментом Новой Большой игры, хотя и не решающим. Факторы жесткой силы по-прежнему определяют характер борьбы за передел сфер влияния в современной Центральной и Внутренней Азии.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Индивидуальные монографии:

1. **Михалев А. В.** Монголия в Новой Большой игре: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы / А. В. Михалев. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2013. – 252 с.
2. **Михалев А. В.** Монгольская революция 1921 года в советской и российской историографии / А. В. Михалев. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2006. – 130 с.

Разделы в коллективных монографиях:

3. **Михалев А. В.** Глава 3. Монголия в системе международных миграций / А. В. Михалев // Из Азии в Сибирь или в поисках «Нового света» (Положение мигрантов из Центральной Азии в Байкальской Сибири). – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – С. 108-133.

Публикации в журналах, включенных в перечень изданий ВАК:

4. **Михалев А. В.** «Новая Большая игра» в Центральной Азии : фактор Монголии / А. В. Михалев // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. – 2013. – №2 (191). – С. 35-41.
5. **Михалев А. В.** «Русский вопрос» в системе внешнеполитических отношений Монголии XX века / А. В. Михалев // Власть. – 2012. – №7. – С. 161-164.
6. **Михалев А. В.** Из Сибири в Монголию, или русское меньшинство в условиях социалистической модернизации / А. В. Михалев // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология и религиоведение. – 2012. – №1(8). – С. 117-127.
7. **Михалев А. В.** «Золотая лихорадка» в Монголии и проблема трансформации кочевого общества / А. В. Михалев // Вест. Бурят. ун-та. Сер. Востоковедение. – 2012. – Вып. 8. – С. 196-204.

8. **Михалев А. В.** Специфика «мягкого влияния» России и Китая в современной Монголии / А. В. Михалев // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 2 (18). – С. 14-21.

9. **Михалев А. В.** Монголия как национализирующееся государство: опыт постсоветских трансформаций / А. В. Михалев // Политическая наука. – 2011. – №2. – С. 193-207.

10. **Михалев А. В.** Политический статус местнорусского населения Монголии (1966–2000 гг.) / А. В. Михалев // Вест. Бурят. ун-та. Сер. Востоковедение. – 2011. – Вып. 8. – С. 180-185.

11. **Mikhalev A. V.** Soviet-Mongolian Commonwealth: dynamics of collective memory in Post-Soviet discourse / A. V. Mikhalev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2011. – №4. – С. 521-527.

12. **Михалев А. В.** Этнополитическая ситуация в постсоциалистической Монголии / А. В. Михалев // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История и политология. – 2010. – №4 /2. – С. 160-165.

13. **Михалев А. В.** Русский язык в политическом пространстве постсоциалистической Монголии / А. В. Михалев // Политическая экспертиза. – 2010. – №. 2. – С. 198-212.

14. **Михалев А. В.** Факторы государственной национальной политики в отношении русскоязычных меньшинств Монголии / А. В. Михалев // Вест. Бурят. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2008. – Вып. 6. – С. 184-187.

15. **Михалев А. В.** «Монголын товч түүх» как исторический источник / А. В. Михалев // Вест. Бурят. ун-та. Сер. Востоковедение. – 2006. – Вып. 2. – С. 88-94.

16. **Михалев А. В.** Русский военный источник начала XX века о китайской колонизации Северо-Восточной Монголии / А. В. Михалев // Вест. Бурят. ун-та. Сер. Востоковедение. – 2005. – Вып. 1. – С. 60-70.

17. **Михалев А. В.** Чингисхан и судьбы народов Евразии, международная конференция (Улан-Удэ, 3-5 октября 2002 г.) / А. В. Голых, В. Д. Дугаров, А. В. Михалев // Восток/Oriens – 2003. – №1. – С. 169-170.

Публикации в журналах индексируемых в Scopus:

18. **Mikhalev A. V.** Russians as a Minority in Socialist Mongolia: Social exclusion and Identity // *Inner Asia*. – 2013. – Vol. 15. – №1. – P. 121-134.

Публикации в других российских научных изданиях:

19. **Михалев А. В.** Русский вопрос в Монголии 1966–2000-е годы / А. В. Михалев // *Российская диаспора в странах Востока : история и современность : сборник статей по материалам I–III Международных научных конференций «Российская диаспора в странах Востока»*. – Москва, ИВ РАН, 2010–2012 / отв. ред. В. П. Николаев ; ред.-сост. : С. Е. Пале. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2013. – С. 168-172.

20. **Михалев А. В.** Миграция религий : три сценария христианизации современной Монголии / А. В. Михалев // *Евразия : духовные традиции народов*. – 2012. – №2. – С. 102-109.

21. **Михалев А. В.** «Новая Большая игра» в Центральной Азии : фактор Монголии / А. В. Михалев // *PolitBook*. – 2012. – №3. – С. 117-128.

22. **Михалев А. В.** Китайские институты мягкого влияния в современной Монголии / А. В. Михалев // *VII востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица: статьи и материалы международной научно-практической конференции (Барнаул, 16 ноября 2012 г.)*. – Барнаул : АлтГПА, 2012. – С. 119-124.

23. **Михалев А. В.** Сравнительный анализ институтов «мягкого влияния» России и Китая в современной Монголии / А. В. Михалев // *Россия в глобальном мире: институты и стратегии взаимодействия : материалы VI Всероссийского конгресса политологов (Москва, 22-24 ноября 2012 г.)*. – Москва : Российская ассоциация политической науки, 2012. – С. 326-327.

24. **Михалев А. В.** Монголия и Центральная Азия: региональные отношения в условиях «Новой Большой игры» / А. В. Михалев // *Сибирь и Центральная Азия : актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е. М. Залкинда : материалы международной конференции (27 апреля 2012 г.)* – Барнаул : Азбука, 2012. – С. 146-149.

25. **Михалев А. В.** Институты российского политического присутствия в Монголии: «жесткие факторы» мягкого влияния / А. В. Михалев // *Интересы и позиции России в Азии и Африке в начале XXI века : сборник статей, посвященный 80-летию А. М. Хазанова.* – Москва : Издатель Воробьев А. В., 2011. – С. 283-286.

26. **Михалев А. В.** Советская миссия в Монголии : формирование ситуации постсоциализма / А. В. Михалев // *Россия-Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие.* – Санкт-Петербург : Изд-во философского факультета СПбГУ, 2011. – С. 373-387.

27. **Михалев А. В.** Местнорусское население Монголии. Статус «Другого» в условиях политических трансформаций XX века / А. В. Михалев // *Tartaria Magna. Studia Turkika Mongolica Tibetica Manchurica Sibirica Russica et setera.* – №3. – Улан-Удэ, 2011 [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.tartaria-magna.ru/wp-content/uploads/2011/09/TartariaMag_issue1-2011.pdf. – С. 54-65.

28. **Михалев А. В.** «Русский вопрос» в социалистической Монголии (1920–1980-е гг.) / А. В. Михалев // *Вестник БНЦ СО РАН.* – 2011. – №3. – С. 123-130.

29. **Михалев А. В.** Российское присутствие в Монголии – ситуация упущенных возможностей / А. В. Михалев // *Сотрудничество Монголии и Бурятии (Россия) в свете обеспечения безопасности в ШОС.* – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 28-35.

30. **Михалев А. В.** Трансграничная трудовая миграция между Россией и Монголией в конце XX века / А. В. Михалев // *Международные отношения в Центральной Азии : история и современность : материалы международной научной конференции (Барнаул, 29 апреля 2010 г.).* – Барнаул : Азбука, 2010. – Вып. II. – С. 101-107.

31. **Михалев А. В.** Российское присутствие в Монголии : трансформация советских институтов в условиях постсоциализма / А. В. Михалев // *Политические институты в современном мире: материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Санкт-Петербургский государственный университет, 10–11 декабря 2010 г.).* – Санкт-Петербург : Аллегро, 2010. – С. 240-241.

32. **Михалев А. В.** Этномифология в политическом дискурсе постсоциалистической Монголии / А. В. Михалев // *Ethno-cultural Diversity and the Problem of Tolerance in the Globalizing World. Papers presented at the International conference.* – Санкт-Петербург : Стратегия, 2010. – С. 121-126.

33. **Михалев А. В.** Местнорусские социалистической Монголии : противоречия политической лояльности / А. В. Михалев // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2009. – № 4-5. – С. 42-50.

34. **Михалев А. В.** Советские мемориалы в Монголии : коллективная память и борьба за символическое пространство / А. В. Михалев // Диаспоры/Diasporas. – 2009. – № 2. – С. 208-232.

35. **Михалев А. В.** Советское политическое присутствие в Монголии : память о героях и риторики преемственности в российском историческом нарративе / А. В. Михалев // Ab Imperio. – 2009. – № 2. – С. 297-316.

36. **Михалев А. В.** «Русский квартал» Улан-Батора : социальные границы и классификационные практики / А. В. Михалев // VIII Конгресс этнографов и антропологов России (1-5 июля 2009 г.) : тезисы докладов. – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 327-328.

37. **Михалев А. В.** «Разделенные идентичностью» – русскоязычные сообщества постсоциалистической Монголии / А. В. Михалев // Россия-Азия : механизмы сохранения и модернизации этничности : материалы научно-практической конференции. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – С. 30.

38. **Михалев А. В.** История народов Внутренней Азии в «Монголын товч түүх» / А. В. Михалев // История и культура народов Центральной Азии: наследие и современность : сборник научных статей. Ч. 1. История, источниковедение, историография. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 97-100.

39. **Михалев А. В.** «Русский квартал» Улан-Батора : коллективная память и классификационные практики / А. В. Михалев // Вестник Евразии / Acta Eurasica. – 2008. – № 2. – С. 7-29.

40. **Михалев А. В.** Православие в современной Монголии: риторики и практики культурной экспансии / А. В. Михалев // Ab Imperio. – 2008. – № 1. – С. 235-253.

41. **Михалев А. В.** Политическая культура революционной Монголии / А. В. Михалев // Мир Центральной Азии: тезисы докладов II Научной конференции. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 63-64.

42. **Михалев А. В.** Русские старожилы Монголии в зеркале региональных СМИ / А. В. Михалев // Миграции и диаспоры на Востоке России : практики взаимодействия с обществом и государством. – М. ; Иркутск : Наталис, 2007. – С. 263-274.

43. **Михалев А. В.** Российские учителя в Улан-Баторе – стратегии адаптации / А. В. Михалев // *Дiasпоры / Diasporas*. – 2006. – № 1. – С. 36-59.

44. **Михалев А. В.** Образ Чингисхана в политической культуре Монголии 1920-х годов / А. В. Михалев // *Россия – Азия : становление и развитие национального самосознания : материалы международной научной конференции (21-24 июня 2005 г.)*. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. – С. 16-18.

45. **Михалев А. В.** Монголия в XXI веке: геополитика и глобализация / А. В. Михалев // *Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке : Монголия и ее окружение: материалы научных круглых столов*. – Москва : Восточная литература, 2005. – С. 51-57.

46. **Михалев А. В.** Китайская колонизация Северо-Восточной Монголии в начале XX века : перспективы и оценка в исследованиях российского генштаба / А. В. Михалев // *Вестник Междунар. центра азиатских исследований*. – 2004. – Кн. 1. – Вып. 12. – С. 92-99.

47. **Михалев А. В.** Российские трудовые мигранты в Улан-Баторе / А. В. Михалев // *Мункуевские чтения-2 : материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. Монголоведение*. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – С. 131-136.

Статьи в других зарубежных изданиях:

48. **Mikhalev A. V.** Soviet Experts in Mongolia : Between International mission and Colonial Practices / A. V. Mikhalev // *Sensus Historiae. Studia Interdyscyplinarne*. – Poznan, 2013. – Vol. 10, №1. – P. 177-195.

49. **Михалев А. В.** Ожидая «оранжевую революцию» : политическая нестабильность в Монголии в зеркале российских СМИ / А. В. Михалев // *Олон улсын монголч эрдэмтдийн Х их хурал илтгэлүүд. V боть. Монголын тусгаар тогтнол, хувьсгал*. – Улаанбаатар : IAMS, 2013. – X. 162-169.

50. **Михальов А. В.** Монгольське націобудування в умовах пострадянського квазіколоніалізму / А. В. Михалев // *Схід-Захід*. – Харків, 2013. – Випуск 16-17. Спеціальне видання. – С. 355-368.

51. **Михалев А. В.** Трансграничье России и Монголии и проблемы его социально-экономического развития в XXI веке / А. В. Михалев // *Социально-политические аспекты современного мироустройства (идентичности в условиях глобализации) : мате-*

риалы международной конференции (7-8 сентября 2010 г.). – Улаанбаатар, 2011. – С. 150-155.

52. **Михалев А. В.** Монгол орон ба улс төрийн тогтворгүй байдлын асуудал : Оросын улс төрийн хэлэлцүүлэг дэх нийгмийн хийрхлийн асуудалд / А. В. Михалев // Олон улс судлал. – Улаанбаатар, 2010. – №3-4 (89-90). – Х. 37-48.

53. **Михалев А. В.** Русские в Монголии: мифы и образы диаспоры в дискурсе региональной прессы / А. В. Михалев // International Journal of Russian Studies. – Washington D.C. 2011/1. – №.4. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.ijors.net/issue4_1_2011/articles/mihalev.html.

54. **Михалев А. В.** Деконструируя «старшего брата» : опыт постсоветской трансформации в монгольском национализме / А. В. Михалев // Палітычная сфера. – Мінск, 2010. – №14. – С. 131-144.

55. **Михалев А. В.** Пространство Монголии глазами российских учителей / А. В. Михалев // Социально-политические трансформации: идентичности и структуризации в меняющемся мире : материалы научно-практической конференции. – Улаанбаатар : Сансудай, 2010. – С. 92-101.

56. **Mikhalev A. V.** Historical memory about Soviet-Mongolian Commonwealth / A. V. Mikhalev // Nomadic Civilization and Buryat-Mongols. – Ulaanbaatar : Бемби сан, 2010. – Р. 20-25.

57. **Михалев А. В.** Русская диаспора в Монголии: сообщество в зеркале региональных СМИ / А. В. Михалев // Нийгмийн шинжлэх ухааны эрдэм шинжилгээний бичиг. – Улаанбаатар, 2009. – Боть 5(4). – С. 119-127.

58. **Mikhalev A. V.** The Cultural memory and Political identity in Mongolia in Revolutionary Era / A. V. Mikhalev // East Asian Civilization and Buddhism – Buddhist Diversity and Identity. – Ulaanbaatar : Бемби сан, 2009. – Р. 149-160.

59. **Михалев А. В.** Китайская колонизация Северо-Восточной Монголии начала XX века в исследованиях российского генштаба / А. В. Михалев // Нийгмийн шинжлэх ухааны эрдэм шинжилгээний бичиг. – Улаанбаатар, 2008. – Боть 3(2). – Х. 99-103.

60. **Михалев А. В.** Конструирование «монгольского вопроса» бурятскими монголооведами в 1920-е годы / А. В. Михалев // Монгол судлалын эрдэм шинжилгээний бичиг. – Улаанбаатар, 2004. – Боть XXIII (238). – Х. 83-92.

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 15.11.13. Формат 60х84 1/16.
Уч.-изд. л. 2,57. Тираж 100. Заказ 642.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
riobsu@gmail.com